

**СОВЕТСКАЯ
МИЛИЦИЯ**

**ЭПОХА
ПОРЯДКА**

Валерий ШАРАПОВ

**Ночь трех
смертей**

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш25

Шарапов, Валерий Георгиевич.

Ш25 Ночь трех смертей / Валерий Шарапов. — Москва : Эксмо, 2025. — 320 с. — (Советская милиция. Эпоха порядка).

ISBN 978-5-04-215036-4

1970 год. В небольшом поселке в мордовской глуши за одну ночь совершены сразу три жестоких убийства. Каждый раз душегуб словно наслаждался своей фантазией. Пожилого пенсионера он задушил и распилил ножовкой, молодую девушку подкараулил в парке и забил камнем, а женщину средних лет загнал на монумент на братской могиле, где она повесилась на собственной одежде. Следователь Анатолий Паршин понимает: местные на такое не способны. По всей видимости, работал «гастролер». Но к чему такая изощренность? Ради наживы? Непохоже: добычей преступника стали только пятнадцать рублей... Разгадка приходит, когда сыщик случайно обнаруживает еще один хорошо замаскированный труп...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Шарапов В., 2024

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-215036-4

ГЛАВА 1

Тихий июньский вечер мягко опускался на землю: затихала перекличка птичьих голосов, солнечный диск спешил найти себе укромное место, даже ветер ленился дуть в полную силу — природа, разомлев от тепла, готовилась ко сну. Город районного значения Ковылкино накрывали сумерки, его жители вслед за солнышком, как послушные утята вслед за мамой-уткой, спешили укрыться в своих жилищах. Не любили горожане разгуливать по городским улицам после заката. Не любили, и все тут.

Это в Саранске, с его почти двумя сотнями тысяч жителей, развитой промышленностью, городским центром и четырехэтажными зданиями, системой газоснабжения и первым в Мордовской Республике троллейбусом, люди обожали выставлять себя напоказ, дефилируя по центральным улицам республиканской столицы. Ковылкинцы же предпочитали прово-

дить вечерние часы скромно, без лишней суеты и шума, в кругу семьи, в кругу друзей, ну или, на худой конец, в приятном одиночестве. Городок их хоть и занимал почетное третье место по численности населения Мордовии, но городских «замашек» к 1970 году еще не нашёл, выгодно отличаясь скромностью от подобных ему собратьев. К двадцати одному часу все горожане, за исключением тех, кто работал на круглосуточных предприятиях, закрывались на все замки, устраивались у телевизоров и смотрели телепередачи.

На улицах можно было встретить случайных прохожих, припозднившихся, задержавшихся на работе или в гостях. Одной из таких прохожих была Наталья Рогозина, симпатичная русоволосая девушка семнадцати лет. В столь поздний для ковылкинцев час Наталья возвращалась из Дома культуры, особой гордости горожан.

Дом культуры на шестьсот пятьдесят мест построили четыре года назад, с тех пор он стал излюбленным местом сбора подростков и молодежи постарше. Кружки лепки из глины, резьбы по дереву, вышивки, студия изобразительных искусств, театральный кружок — в Доме культуры каждый мог найти применение своим талантам. И это в обычные дни, а сейчас, в первой декаде июня, работы в кружках было невпроворот: национальный праздник мордвы-мокши,

НОЧЬ ТРЕХ СМЕРТЕЙ

что называется, «висел на носу». До празднования дня «Акша келу», в переводе с мордовского «Белая береза», оставалось четыре дня, а работы по подготовке главного национального праздника все не заканчивались.

Народные гуляния традиционно проводились в селе Вадовские Селищи, куда со всей Мордовии съезжались гости. В этот день на берегу реки Вад устраивали народные гуляния. Люди приходили, чтобы повеселиться, показать себя, попробовать блюда мордовской кухни, приготовленные искусными руками заботливых хозяек, или испытать свои силы в «борьбе на поясах».

На празднике «Белой березы» «борьба на поясах» занимала особое место: любой мог помериться силой с противником, и неважно, сколько ты вешишь или какой у тебя рост: хватайся за кушак противника, не отпускай рук — и ты в двух шагах от победы. Положил противника на землю трижды, не оторвав руки от кушака, — значит, победил. А уж после тебе и почет, и признание. Еще одно название этого вида борьбы — «борьба медведей», потому и победителя до следующего года уважительно именуют «овтай», что на мордовском означает «медведь».

Но это развлечения для мужчин, а для девушек и малых ребят есть обязательная концертная программа. Подготовка к концерту на праздник

«Акша келу» велась в каждом городе, городке, селе и поселке. Начиналась она с начала февраля, а к первым числам июня накал страстей доходил до предела. Руководители кружков сбились с ног, пытаясь довести концертные номера до высочайшего уровня. Их добровольные помощники из числа старшеклассников тоже не отставали, выкладываясь на сто процентов. Столько всего нужно было продумать, столько организовать, подготовить костюмы, реквизит, декорации и прочие мелочи для выступления артистов... А еще продумать, как все это доставить в другое село, да чтобы по дороге декорации и реквизит не пострадали. Задача не из легких, вот и старались девушки и парни, оставаясь в Доме культуры до темноты, подделывая, подмазывая, упаковывая и подшивая то, что еще не было упаковано, подмазано и подшито.

Завершив все, что было запланировано на день, девушки и парни дружной гурьбой высыпали на центральное крыльцо Дома культуры, откуда малыми группками стали расходиться по домам. В местах, где на каждую тысячу километров приходится минимум одно режимное исправительное учреждение, поневоле учишься осторожничать — вот почему ковылкинцы не гуляли в одиночку. Каждый находил себе попутчика на весь путь до дома, а если таковых не находилось, группа, в которой собиралось самое

НОЧЬ ТРЕХ СМЕРТЕЙ

большое количество людей, провожала тех, кто остался без компании. Этот день не был исключением: без четверти девять ватага ребят и девушек рассыпалась на группы и отправилась по домам.

Весело перекрикиваясь, ребята удалялись от Дома культуры, когда на крыльцо выскочила Наталья. Она задержалась, проверяя, на все ли костюмы фольклорного кружка нашили ажурную красно-желтую тесьму, которая пришла из Саранска накануне, и не успела никого предупредить об этом. Наталья покричала, пытаясь остановить друзей, но те отошли уже слишком далеко, а веселый девичий смех и басовитые голоса парней, травящих байки, перекрыли попытки девушки привлечь к себе внимание.

Бежать вдогонку Наталье показалось стыдным, и, подумав, она решила, что ничего страшного не случится, если на этот раз она дойдет до дома одна, тем более что идти-то предстояло всего ничего: по прямой до парковой зоны, огороженной невысоким штакетником, дальше через проезжую часть до магазина промтоваров, затем свернуть налево и пройти еще один квартал до места, где начинается частный сектор, а там до дома рукой подать.

«Путь знакомый, переживать не стоит», — успокоила сама себя Наталья, сбежала с крыльца и пошла по направлению к парку.

Хоть девушка и убеждала себя, что беспокоиться не о чем, холодок упорно полз по спине, а ноги сами ускоряли шаг. Добежав до парка, внутрь Наталья не вошла, предпочла двигаться по узкой дорожке, идущей вдоль проезжей части. Пешеходов на дорожке видно не было, зато, в отличие от парка, улицу освещали фонари. Каблучки новых Натальиных босоножек отстукивали четкий ритм, сердце вторило в такт каблучкам, от быстрой ходьбы в ушах звенело, но и через этот звон девушка смогла услышать странный звук, доносящийся со стороны парка.

Наталья не остановилась, но слух ее обострился. Сначала она услышала хруст ломающихся веток, затем торопливые шаги по вскопанной земле газона, после — какое-то хлюпанье, как будто человек с заложенным носом изо всех сил старался не шмыгать, но и стерпеть тоже не мог, вот и втягивал сопли украдкой.

«Да что там такое происходит? — промелькнуло в голове Натальи. — На животных или птиц не похоже, но ведь сейчас там просто некому быть! Кто тогда издает все эти звуки?»

Как ответ Натальиным мыслям, со стороны парка снова послышалось какое-то движение. Воображение девушки мгновенно отозвалось на невысказанный вопрос, начав рисовать в голове картины одна ужаснее другой, пугающие своей натуралистичностью, заставляющие серд-

це сжиматься от страха. Точно так, как тогда, в лесной глуши, когда она, пятилетняя девочка, стояла у бездыханного тела своей соседки и не могла отвести взгляд. Этот образ и сейчас перекрывал все картины, которые подбрасывал ей испуганный мозг. А как иначе?

Тогда она с бабушкой, Агафьей Тихоновной, отправилась в лес по грибы. Настроение шикарное, да и каким оно может быть в пять лет, когда ни школа, ни бытовые заботы не тревожат ум! В этом возрасте каждый цветок с полосатой пчелой, пристроившейся на лепестках, каждая ягодка, сорванная украдкой от строгой «бабуси», как за глаза называла Наталья свою бабуку, каждый гриб, пусть и несъедобный, вызывали восторг.

Она шла чуть поодаль от бабуси и казалась себе жутко важной и невероятно взрослой. Грибок за грибком, шажок за шажком — и Наталья углубилась в лес слишком далеко. А когда поняла это — испугалась. Агафьи Тихоновны не видно, а вокруг тишина такая, что слышно собственное дыхание. Стараясь не поддаваться панике, маленькая Наташа все шла и шла, надеясь выйти на тропинку, с которой свернула. Но тропинка все не появлялась, девчушка уже готова была расплакаться, и тут впереди она увидела что-то яркое. Красный сарафан в белый горох — этот сарафан два дня назад она видела на соседской девушке Глаше. Радостно смеясь,

Наталья побежала вперед, размахивая корзинкой и громко крича: «Глаша, Глаша, а вот и я!» Она подбежала к дереву, за которым увидела сарафан, обогнула его и застыла как вкопанная.

Соседская девушка Глаша была там, но то, что она не поможет заблудившейся Наташе, девочка поняла сразу. Глаша не стояла за деревом, она на нем висела. Толстая ветка проткнула живот и удерживала тело в вертикальном положении. Вокруг раны роились насекомые, яростно жужжа и отгоняя друг друга от тела. Толстые синеватые колбаски кишок свисали до колен, а красивый подол сарафана кровь пропитала так, что белые горошины слились с общим красным фоном.

Но самое ужасное было не это. Самым ужасным для маленькой девочки оказалась гримаса боли и страха, застывшая на лице соседки. А еще ее волосы. Ранее иссиня-черные, они вдруг стали белее, чем у бабушки Агафьи Тихоновны. Когда до Наташи дошло, что ее соседка мертва, она открыла рот и громко закричала.

Наталья толком не помнила, как ее нашла бабуся, не помнила, как оказалась в районной больнице, и вообще плохо помнила, что было потом. Спустя годы она узнала, что Глашу убил беглый преступник, разрезав ей живот и надругавшись над телом, подвесил, как мясную тушу, на дереве. Что она действительно помнила хорошо, так это

ощущение незащищенности, которое преследовало ее долгие годы, а порой нагоняло и по сей день. Со временем Наталья научилась справляться с паникой и вести активный образ жизни, она научилась переключаться и выталкивать из головы дурные мысли. А что еще ей оставалось? Ведь невозможно дрожать от страха всю жизнь.

Вот и сейчас, при первых признаках нарастающей паники, Наталья попыталась приструнить разыгравшееся воображение.

«Не выдумывай, — мысленно произнесла она. — Нет там никого и не может быть. Иди своей дорогой и не оглядывайся. Все будет хорошо». Но в глубине души Наталья знала: хорошо уже не будет. Никогда.

Со стороны парка снова послышался звук. Наталья машинально прибавила шаг, каблочки зацокали громче, и это напугало девушку. «Так ты только больше внимания к себе привлечешь, — ругала она себя. — Сними босоножки. Лучше потерпеть позор, если кто-то увидит тебя босой, чем висеть на дереве, как...»

Мысль Наталья не закончила, слишком ужасной она казалась, но босоножки с ног сбросила. Подхватив их за ремешки, девушка пошла еще быстрее. До заветного перекрестка оставалось не больше пятидесяти метров. Стоит оставить парк с таящимися в нем опасностями позади, и страх уйдет. Непременно уйдет.

Она споткнулась о здоровенный булыжник, непонятно откуда взявшийся на заасфальтированном тротуаре, сильно ударилась большим пальцем правой ноги и негромко вскрикнула от боли. Ей пришлось остановиться, чтобы потереть ушибленное место. Но не успела она нагнуться, как снова услышала шум. Теперь Наталья явственно различила крадущиеся шаги, но вместо того, чтобы припустить бегом, она вдруг застыла на месте. Ноги не слушались, руки задрожали, глаза сами собой закрылись. Девушка выпрямилась, вытянулась в струнку, но глаза не открыла. Просто стояла и ждала своей участи.

Вскоре она поняла, что тот, кто был в парке, теперь находится за ее спиной. Он ее не коснулся. Пока не коснулся. Наталья ощущала его дыхание на своей шее. Его запах достиг ноздрей, заставив вздрогнуть всем телом. Затем тяжелая рука легла на плечо девушки, она осела вниз. Голова закружилась, и сознание померкло.

«Хорошо, что я ничего не почувствую», — было последней мыслью девушки, но в этом она ошибалась.

* * *

— Анатолий Николаич, вы идете? Машина ждет.

Молодой лейтенант в новенькой с иголки милицейской форме нетерпеливо топтался

возле дежурного «уазика» и едва сдерживался, чтобы не подпрыгивать на месте. «Ну чего он там возится? Двадцать минут потеряли. Так и дождется, пока саранские следаки прикатят и заберут у нас дело», — сердито сверкая глазами, думал он.

Но тот, к кому были обращены слова, и ухом не повел, продолжая стоять на границе проезжей части и парковой зоны. Взгляд его блуждал по тротуару, по близлежащим кустам, устремлялся в глубину парка и вновь возвращался к тротуару. Лейтенант был прав: надо было уходить, но что-то удерживало капитана на месте.

Капитан юстиции следователь Паршин Анатолий Николаевич служил в Ковылкино около трех лет, а до этого работал в Ростовской области, печально знаменитой разгулом преступности. Но и там ему не доводилось видеть такого зверства, какое произошло этой ночью в мирном заштатном районном центре.

Вызов в парк оказался вторым за ночь, вернее, за четыре часа истекшей ночи. Первый звонок поступил в ноль часов пятьдесят минут. Звонивший так волновался, что не смог толком объяснить, что произошло, но дежурный, перестраховавшись, помимо выездной бригады вызвал сразу и следователя Паршина.

На место происшествия выехали втроем: сам Паршин, оперуполномоченный Валеев и его

стажер, младший лейтенант Сидоркин. Вечный старлей Валеев — опер с тридцатилетним стажем, которому язык не давал продвигаться по карьерной лестнице. Всякий раз, когда дело доходило до очередного звания, язык впутывал его в такие неприятности, что начальнику Валеева подполковнику Яценко с трудом удавалось сохранить старлею прежние погоны. Разница в двадцать лет и подчиненное положение Валеева не мешали следователю и оперативнику поддерживать с ним дружеские отношения не только на работе, но и вне ее.

Что касалось младшего лейтенанта Николая Сидоркина, то в части мало кто относился к нему всерьез. Слишком молодой, слишком суетливый, чрезмерно болтливый и абсолютно не знакомый с субординацией — вот примерный портрет младшего лейтенанта, прибывшего в Ковылкино по распределению после окончания школы милиции. В участковом отделе никто и думать не думал, что парнишка продержится на этом месте больше недели. Но неожиданно для всех старлей Валеев взял над ним шефство, и вот уже четыре месяца парень таскался за оперативником как приклеенный, впитывая каждое его слово.

Разношерстная группа прибыла на место происшествия в час пятнадцать ночи. От районного отдела милиции, расположенного на улице Про-

летарской, до улицы Железнодорожной — пара километров, больше времени ушло на сборы, чем на дорогу. Как только их «УАЗ» подъехал к повороту на нужную улицу, впереди замаячила фигура. Долговязый мужчина энергично размахивал руками, привлекая внимание. «УАЗ» остановился, съехав на обочину, и мужчина припустил бегом к машине.

Паршин, первым оказавшись на пути бегущего, перехватил его и развернул лицом к себе.

— Спокойно, товарищ, — негромко произнес он. — Милиция на месте, можете выдохнуть. Вы нас вызвали?

— Да какое тут спокойствие! Пойдемте скорее! Покажу, где все случилось, хочу убраться отсюда далеко и надолго!

— Не так быстро, — остановил его Паршин. Он понимал, что в таком состоянии мужчина как свидетель ни на что не годен, и предпочел потратить лишних десять минут на то, чтобы тот пришел в норму. — Для начала представьтесь.

— Что? При чем тут мое имя, когда там, — мужчина сделал паузу и махнул рукой в неопределенном направлении, — такое!

— Назовите ваше имя. Что вы делали в такой час в глухом месте?

Мужчина огляделся. Место и правда выглядело глухим: улочка-тупичок, без единого фонаря, с заросшими в человеческий рост бурьяном

и кустарником палисадниками. Вдоль улицы-тупичка идет железнодорожная ветка, явно заброшенная, вдобавок ко всему дальше по центру дороги разрыта траншея, и появилась она здесь однозначно не вчера, а лет несколько назад.

— Место глухое, — повторил мужчина и вдруг содрогнулся всем телом. — Боже милостивый! А мои дети ходят по этой улице каждый день! Как подумаю...

Он не договорил, поднял руки, прижал ладони к глазам и сильно надавил. Следователь Паршин решил, что таким образом мужчина пытается справиться с наворачнувшимися слезами. Он выждал несколько секунд, затем тронул мужчину за плечо:

— Товарищ, прошу вас, соберитесь! Мы приехали разобраться!

— Да-да, простите, — мужчина опустил руки, плечи его поникли, и весь он словно сдулся, как воздушный шарик. — Что вы спрашивали?

— Ваше имя и что вы делали в этом тупике в час ночи? — повторил Паршин.

— Меня зовут Гвоздков Александр, — представился мужчина. — Я живу неподалеку, чуть дальше по улице мой дом. Вон, у него шиферная крыша раскрашена во все цвета радуги.

Мужчина указал рукой, Паршин зафиксировал взглядом дом и снова перевел его на Гвоздкова.

— В прошлом году собрался крыть шифером, подготовил его во дворе, да все руки не доходили. Дети, у меня их пятеро, нашли в сарае три банки с краской и «помогли» отцу. Раскрасили все до единого листа. Теперь наша крыша напоминает радугу. Представляете? — Мужчина улыбнулся, и такая нежность сквозила в этой улыбке, что Паршин сразу понял, насколько сильно тот любит своих детей.

— Так что тут произошло? — Капитан решил не комментировать эпизод с крышей. — Зачем вы вышли на улицу так поздно?

— Грубиян, — коротко бросил Гвоздков.

— Простите — что? — Паршин в недоумении посмотрел на мужчину, соображая, что такого грубого было в его словах.

— Ох нет! Простите. — Мужчина улыбнулся печальной улыбкой. — Грубиян — это наш пес. Шесть лет уже как прибился к нашему двору, малюсенький был, а теперь вымахал будь здоров. Дворняга, но умный. После десяти вечера на улицу ни ногой, а тут как с цепи сорвался. У калитки крутится, скулит, землю роет. Я его и так и сяк приструнить пытался, даже пригрозил, что на цепь посажу, хотя у нас и цепи-то отродясь не было, а он не унимается. Потом вроде утих. Я обрадовался, пошел домой, достал газету. Сколько читал, не знаю, но потом вспомнил, что воду Грубияну не сменил. Вы-

шел во двор, а собаки нет. Этот негодник раскопал под забором яму и сбежал. Я, естественно, пошел его искать. Он хоть и беспородный, но дети его любят, так что пришлось собираться на поиски.

— Почему вы не дождались утра? Вернулся бы ваш пес.

— Места здесь беспокойные, — ответил Гвоздков.

— Что было дальше? — Паршин оставил тему с собакой.

— Я прошел несколько раз вдоль дороги, позвал пса. Когда проходил мимо дома деда Ковыля, услышал, как кто-то скулит. Я решил, что это Грубиян, застрял, видать, выбраться не может. У деда Ковыля калитка никогда не запирается, вот я и вошел. Обошел дом, и тут мне навстречу наш Грубиян выскочил. Я его погладил — и во что-то липкое вляпался. Поднял руку, посветил фонариком, а она вся в крови. Я бегом за дом, а там...

Произнести страшные слова Гвоздков так и не сумел. Паршин похлопал его по плечу, махнул рукой оперативнику и его стажеру и двинулся к дому деда Ковыля. Они миновали калитку, обогнули дом, прошли чуть дальше к забору и увидели то, что до этого видел Гвоздков.

Опер Валеев тихонько присвистнул: